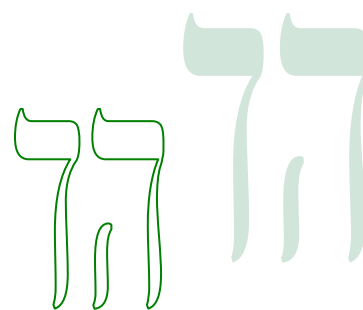

תרגומי השירה הלירית של אדולף גומן

Лирическая поэзия в переводах Адольфа Гомана

Рахель БЛУВШТЕЙН

רחל בלובשטיין

קובץ שירים "מנגד" 1930 «Напротив» Сборник стихов

Перевод с иврита

Примечания переводчика

תרגום מעברית

הערות של מתורגמן

adolfgoman@gmail.com

Рахель БЛУВШТЕЙН

(1890-1931)

Краткая биографическая справка

РАХЕЛЬ – псевдоним Рахели Блувштейн (1890-1931), еврейской поэтессы. Родилась в Саратове, росла в Полтаве. В юности писала стихи по-русски и училась живописи. В 1909г. иммигрировала в Палестину (Эрец Исраэль, как называют её на иврите), где примкнула к еврейским поселенцам и была одной из первых женщин-стажёров на с.-х. ферме около озера Кинерет.

В 1913г. Рахель изучала агрономию в университете г.Тулузы (Франция).

Из-за Первой мировой войны Рахель Блувштейн не смогла вернуться в Эрец Исраэль. Она учила детей евреев-беженцев в России, где и заразилась туберкулёзом. Вернувшись в Эрец Исраэль, она некоторое время работала на ферме в Дегании, но болезнь заставила её провести последние годы жизни в больницах и санаториях.

Первые стихи на иврите Рахель написала в 1920г. Она печаталась в газете "Давар", и каждая её публикация ожидалась и воспринималась, как важное событие в культурной жизни еврейского ишува. Два сборника стихов «Отава» и «Напротив» вышли при её жизни, третий «Нево» – посмертно. Рахель, одна из первых в современной еврейской поэзии, широко использовала разговорный язык. Её знание иврита опиралось на живую речь и язык ТАНАХа. Сказалось и влияние современных ей русских поэтов – Блока, Ахматовой и др.

Для поэзии Рахели характерны ясность, лиричность, музыкальность, краткость, но, вместе с тем, глубина и многоплановость содержания, элегичность и ностальгия на грани смерти. Эти качества сделали поэзию Рахели очень популярной, особенно – у молодых читателей. Большая часть её стихов положена на музыку.

Рахель переводила русскую, идишскую и французскую поэзию.

Второй сборник стихов Рахели «Напротив» вышел за год до её смерти; в то время она жила безнадежно больная, одинокая и бедная в маленькой комнатке в Тель-Авиве напротив морского побережья, которое она не могла видеть из окошка. Эти обстоятельства определили трагическое содержание и тон написанных из последних сил стихов.

Содержание

Книга моих стихов

Преграда

Может, этого не было вовсе

Цветы-«быть может»

Велела судьба

Илия

Завет эха

Овца бедняка

Замкнутый сад

В городе

Песня

Проснуться и узнать

Ты, погладив, рассеянно руку пронёс

Я протянула руку

Не чужак, но он далеко

Бесплодная

Йонатан

Судьба

Бывало не раз, после летнего дня

Вечер

Тропы в полях и межи

Посещение

О, земля, моя мать, почему же

В одном из моих превращений

Суббота

Ночью

Отражение

Весна

Наш сад

Молчание

Я помню и вспомню не раз

Эвкалипт

При свете окошка

תוכן העניינים

ספר שירי

סיץ

ואולי לא היו הדברים ...

פרחי-אולי

אם צו הגורל

אליהו

ברית ההד

כבשת הרש

גן נעול

בעיר

זמר

להקיץ ולדעת

העברת ידך בלטוף מפזר

פשטתי יד לבקש רחמים

לא גואל – וקרוב כל כך

עקרה

יונתן

גורל

לא פעם, בקיץ, עם רדת היום

ערבית

משעולי השדות ושבילים

בקור

הוי, ארצי, הורתי, מדוע

באחד גלגולי

שבת

בלילה

בבוא

אביב

גננו

שתיקה

זוכרת, אזכר לא אחת

אקליפטוס

לאור הצהר

**Я и ты
Женщина
Закрою глаза
Назови моим именем дочку свою
Лишь о ласке брата просила
Ты для меня – как прежде
Открылась дверь
Шахтёр
Это веление гордости
Напротив
Воздух горных вершин
К горам
Дар**

* * *

Книга моих стихов

Все крики отчаянья, стоны бессилья,
Как яркие бусы из слов,
В годину нужды и потерь заключила
Я в белую книгу стихов.

Найдут мой тайник, недоступный и другу,
Откроют завесу огня,
И сердце больное в холодные руки,
Кто хочет, возьмёт, беребя.

Преграда

Ребёнком ещё была я
Печали скрытой полна,
Одеждой чёрной от прочих
Отлична и отделена.

אני ואתה
אשה
עיני אֶעֱצֵם
תִּקְרָאִי נָא בְּשִׁמִּי לְבַתְּךָ הַקָּטָנָה
כִּי לְטוֹף אֲחִים
אתה לי – כְּקֶדֶם
הַפֶּתַח נִפְתַּח
כֹּאֲרֵה
זֶה צוֹ הַגָּאוֹה
מִנֶּגֶד
אֲוִיר פְּסָגוֹת
אֶל הַהָרִים
שִׁי

* * *

ספר שירי

צְרִיחוֹת שְׁצַרְחָתִי נואֶשֶׁת, כּוֹאֶבֶת,
בְּשָׁעוֹת מְצוּקָה וְאֶבֶדָן,
הִיוּ לְמַחְרָזֵת מְלִים מְלַבֶּבֶת,
לְסֵפֶר שִׁירֵי הַלֵּבָן.

נִגְלוּ חֲבִיוֹנוֹת לֹא גְלִיתִי לְרַע,
נִחַשְׁף הֶחֱתוּם בִּי בְּאֵשׁ,
וְאֵת תּוֹגָתוֹ שֶׁל הַלֵּב הַכוֹרֵעַ
יָד כָּל בְּמִנוּחָה תִּמְשָׁשׁ.

סיץ

זְכוּרְתִּי, עוֹדִי תִינָקֶת,
לוֹנִי עֶצֶב נִסְתָּר;
בְּבֶגֶד-אֶבֶלִי הִיִּיתִי
שׁוֹנָה וְנִבְדָּלָת מִשְׁאָר.

Дни шли, я давно не ребёнок
Среди повзрослевших детей,
Но скорбь не исчезла поныне,
И знак не исчез вместе с ней.

Поныне осталась преграда,
И я между всеми одна;
От всех душа мраком сиротства
Отлична и отделена.

Может, этого не было вовсе

Может, этого не было вовсе со мною,
И я
Никогда не лелеяла в поте лица
Сада, с ранней зарёю придя?

Никогда среди долгих пылающих дней
На жнивье
С высоты нагружённой снопами арбы
Песней голос мой не звенел,

Никогда не очистилась я, глядя в вод
Синеву
В непорочной тиши?.. Мой Кинерет, скажи,
Был ты явью или сном наяву?

1927

Песня на музыку Й.Шарета в исп. Э. И А. Офарим
<http://www.youtube.com/watch?v=0sokC2Vo0YY>

Цветы-«быть может»

עברו ימים ואינני
תינוקת בין תינוקות,
אבל לא נגזז העצב,
וטרם הוסר האות.

עדין חוצץ החיץ
ביני לשאר. אף עתה,
עתה שונה ונבדלת
נפשי בשחור יתמותה.

ואולי לא היו הדברים ...

ואולי לא היו הדברים מעולם,
אולי
מעולם לא השכמתי עם שחר לגן,
לעבדו בזעת-אפי ?

מעולם, בימים ארפים ויוקדים
של קציר,
במרומי עגלה עמוסת אלמות
לא נתתי קולי בשיר ?

מעולם לא טהרתי בתכלת שוקטה
ובתם
של כנרת שלי ... הוי, כנרת שלי,
ההיית, או חלמתי חלום ?

פרחי-אולי

В саду на грядках тёплых и сырых
Цветы-«быть может» нежные росли;
Я, как садовник, взращивала их,
Чтоб ярче расцвели.

Ночами у ворот, как часовой,
Ждала я солнца свет и дня лазурь;
От холода я сад хранила мой,
От бед реальных бурь.

Но жизнь узнала мой секрет, меня
Приговорила, и защиты нет:
Не сад для развлечений вижу я -
Кладбищенский букет.

Велела судьба

Если велела судьба
Прожить от тебя вдали мне –
Кинерет, дай уснуть
У кромки твоей в могиле.

Нет небытия
В печали спокойной и строгой,
И песня труда
Отсюда слышна с дороги.

И память о тех, кто там,
Ещё в сознании дышит,
И дерево над плитой -
Как благословенье свыше.

Велела судьба

על פְּרוּגוֹת הַגֶּן, בְּנוֹף טָלֹל וְחָם
פְּרָחִי-אוֹלִי גָדְלוּ רַעֲנָנִים;
כְּטוֹב בַּגִּנָּים יְדַעְתִּי לְטַפְחָם,
כְּטוֹב בַּגִּנָּים!

וְלֵילָה בְּלִילוֹ – זָקִיף עַל הַמִּשְׁמֶר
בְּשַׁעְרֵי הַגֶּן לֹא לָאוֹת
סִכּוּתִי עַל צִיצֵי בִּפְנֵי רוּחַה הַקָּר,
רוּחַה שֶׁל וְדָאוֹת.

אֶף הִיא מִצָּאָה סוּדֵי וַתַּעֲרִים עָלַי,
אֶף הִיא שֹׁקֶדֶה מָאֵד עַל גֶּזֶר-הַדִּין;
לַתַּת כְּבִית-עֹלְמִין אֶת גֶּן שַׁעֲשׁוּעֵי,
לַתַּת כְּבִית-עֹלְמִין.

אם צו הגורל

אם צו הגורל
לחיות רחוקה מגבול'יך –
תתניני, כנרת,
לנוח בבית-קברותיך.

אין דמי-חדלון
בעצב שלו הרוגע,
ושיר-עבודה
מעבר לדרך בוקע.

וזכר שוכניו
עודנו ארוג במסכת,
ועץ מצבה
ממעל כיד מברכת.

אם צו הגורל

Прожить от тебя вдали мне –
Кинерет, приду уснуть
У кромки твоей в могиле.

לחיות רחוקה מגבוליה –
אבואה, כנרת,
לנוח בבית-קברותיה!

Илия

אליהו

Как чердак Илии-пророка,
Комната моя под самой крышей.
Я думаю об оживлявшем мёртвых,
Чудо творившем.

כעליית הקיר של אליהו
חדרי במרום הגג. ולעתים
אני הוגה בו, בישיש הפלאי,
המחיה מתים.

Трижды простёлся он над ребенком,
И раздался голос слёзной молитвы,
И к скорбящей матери он вернулся:
«Смотри, жив сын твой».

ויתמודד עד שבע על הילד,
קול תפלה קורע והולך,
וישב אל האם המקוננת:
“ראי, חי בנך”.

Мои мёртвые! Он не придёт, как прежде,
Чтоб простереться над вами без слов.
Вы холодны, голоса нет и слуха,
И не встанете вновь.

מתי שלי! הוא לא יבוא כקדם,
לא ישתרע עליכם ופיו – יקוד,
קרים אתם, וקול וקשב אין,
ולא תקומו עוד.

Завет эха

ברית ההד

Залману *)

לזלמן

Нас Завет эха объединяет,
Он не дрогнет в лихую годину.
Нам глубины сердец освещает
Наша память - чиста и невинна.

ברית ההד הפרוטה בינינו
לא יכלו לה צבאות הימים,
עוד מאיר בתהומות לבנו
זכר “אז” טהור ותמים.

Вот они двое на взгорье высоком,
Радость жизни в ней сдержана еле,
Он же бледен, взгляд тихий, глубокий,

על ההר הם עומדים השנים,
גיל חיים בה פורץ וממריא,
הוא חור ועמק-עינים,

И еврейского юноши прелесть.

Он: Твой голос как издревле данный,
На горах Иудейских пастуший.
В чём секрет этих звуков гортанных,
Что легендой украсили душу?

В чём секрет, что, скитаясь веками,
Вместе с нами они уцелели,
И завет, заключённый меж нами,
Войска дней так и не одолели?

*) Будущий президент Израиля Шазар

Овца бедняка

*)

Овца бедняка, я тебе шепчу,
И в мягком мехе твоём
тепло замёрзшему сердцу ищущу
В усталом теле своём.

Нет, кроме неё, ничего. Дрожь и плач,
Судьба бедняка – скорбитель.
Я знала: ограбит меня богач,
Не станет меня щадить.

*) Библейская притча о богаче, забравшем у бедного последнюю овцу

« Замкнутый сад –
сестра моя, невеста...»
Песнь песней 4,12

Замкнутый сад

חן שקט של נער עברי.

הוא אומר לה: "קולך כמקדם
קול רועים בהרי-יהודה".
מהו סוד הניבים הללו,
להרקים בלב אגדה?

מה סודם כי לו את שנינו
בארחות גולה נשמים,
ולברית הכרותה בינינו
לא יכלו צבאות הימים?

כבשת הרש

כבשת הרש, זה רחשי אליך,
ובצמרה הרך
יחם ללב קופא, ללב חלכה
ללב לאה כל כך.

אין זולתה, ופחד מרעידני:
גורל הרש הוא דין –
ידעתי יד עשיר תגזל אותה ממני,
היא לא תחוס עלי.

גן בעול

Кто же ты? И почему навстречу
Сёстрам их ты не протянешь рук,
И глаза, помедлив миг при встрече,
Так смущённо опускаешь вдруг?

Замкнут сад. Ни тропки, ни дороги.
Человек, как сад.
В кровь ли разобью о камень руки,
Поверну ль назад?

Песня на музыку Ш.Шуки в исп. Шуки и Дорит
<http://www.youtube.com/watch?v=hUCLRdr9nV8>

В городе

И так я буду к городу привыкать день за днём,
К шуму адскому, к грязи на улице возле двери,
К бетонной пустыне, и особенно для чужих,
И я не приму, но не прошепчу: «Мой Кинèрет!» *)

И только в ночные часы глубокой печали,
Только ночью, в кромешной тьме, в тишине я стану
Горько плакать, царапая глину воспоминаний -
Уже ставшую шрамом рану.

*) до переезда из-за болезни в Тель-Авив Рахель жила и работала в
киббуце у озера Кинерет

Песня

Вечером поздним и утром ранним

מי אתה? מדוע יד מושטת
לא פוגשת יד אחות?
ועינים אף תמתנה רגע
והנה שפלו כבר נבוכות.

גן נעול. לא שביל אליו, לא דרך.
גן נעול – אדם.
האלה לי? או אפה בסלע
עד זוב דם?

בעיר

וקר מיזם אל יום, אני אסכין לעיר,
לסחי חוצות, להמלה ממארת,
לשממת בטון, לפני זרים בכל,
ולא אקבל, ולא אלהש: "כנרת!..."

ורק בשעות הליל, בשעות העצבון,
רק בלילות, באפלה ושקט,
אבכה ואגרד בחרס-זכרונות
הפצע ההופך צלקת.

זמר

בקר וערב לך ועליך,

Лишь о тебе пели песни мои -
Буря, молчанье, плач, ликованье,
Рана и горе, отрада в груди.

לך ועליך שרו שירי:
סער ונדמי, צהל ובכה,
פצע וצרי, נחת ודני.

Было: цепочка почти прерывалась
Или ответ был чуть слышен, но вновь
Песни мои через миг возвращались
Пели опять про позор и любовь.

יש לא הבחנתי קול מענך,
יש ונתקה השרשרת כמעט,
רגע – ושבו ושרו עליך,
שרו עליך, אהב ושאת.

Лишь о тебе, для тебя постоянно
Тысяча струн, но других песен нет.
Буря, молчанье, плач, ликованье,
Рана и горе, отрада и свет.

לך ועליך, לך ועליך –
זמר יחיד הוא לאלף כנור;
סער ונדמי, צהל ובכה,
פצע וצרי, אפל ואור.

Проснуться и узнать

להקיץ ולדעת

И проснувшись узнать: сон, что ты рассказал мне, -
Только сон; я боялась теней;
И опять, как вчера, взгляд твой нежный увидеть,
И держать твою руку в своей.

להקיץ ולדעת: חלום הבעיתיני,
רק חלום הוא – יראתי בכדי;
ושנית, פאתמול, להביט בעיניך,
ולחוש את ידך בידי.

Красоту нашей юности мы не срамили,
Мы верны ей тогда и сейчас,
И Кинерета-матери щедрое солнце
Всё ещё благотворно для нас.

לא הכלמנו הכלם את חמדת-נעורינו,
בעבר לא בגדנו בגוד,
ושמשה הנדיב של כנרת אמנו
לא שקע ומיטיב לנו עוד.

Как вчера, как тогда, нас с тобою связует
Эта скрытая крепкая нить.
Это лишь страшный сон, то, что ты рассказал мне...
О мой Боже! Проснуться и жить...

פאתמול כמאז מקשרנו עדין
זה החוט הטמיר-האמיץ.
רק חלום בלהות הוא אשר הבעיתיני.
הה, אלי! להקיץ – – להקיץ – –

Ты, погладив, рассеянно руку пронёс

העברת ידך בלטוף מפזר

Ты, погладив, рассеянно руку пронёс
Над склонённой моей головой,
И под грузом холодным сжалось до слёз
Моё сердце острой тоской.

Неужели судьба так безжалостна к нам,
Надо чашу испить, и везде
На земле человек человеку, впрямь,
Как на небе звезда звезде?

Я протянула руку

Я протянула руку жалости попросить,
Жалости чуть-чуть;
Днень мой на исходе, сердце скорбит,
Печален мой путь.

У богатых для голодных уши всегда -
Это уши глухих.
Но почему же бедный не видит тогда
Души братьев своих?

Не чужак, но он далеко

Не чужак, но он далеко,
Не спаситель, но близкий друг,
Изумит и взволнует вдруг,
Коснувшись легко.

Помнишь, стены сомкнулись как?
И поверх толпы в тот же час

העברת ידך בלטוף מפזר
על ראשי הפופר קמעה,
ועצבת פתאם בנטלה הקר
את לבי לחצה עד דמעה.

האמנם הגורל הוא ללא-נחמה
והכוס תשתה עד תם ?
ואדם לאדם על פני אדמה
ככוב לכוכב במרום ?

פשטתי יד לבקש רחמים

פשטתי יד לבקש רחמים,
פת-רחמים זעומה;
יומי העריב ולבי משמים,
דרכי עגומה.

אטומות הן מאז לקול הרעב
אזני נגיד ונדיב.
אך למה אביון לא ראה ללב
של אביון אחיו...!

לא גואל – וקרוב כל כך

לא גואל – וקרוב כל כך,
לא נכרי – וכל כך רחוק,
ותמיהה נבוכה יצק
המגע הרך.

התזכר? סגרו הקירות
ומעל להמון הדר

Нити взглядов сплелись у нас
В мост и знак.

Больно? Благословенна боль!
Ясность надо принять, стерпеть.
Мой путь будет по тропам впредь.
А в сердце покой.

Бесплодная

Был бы у меня маленький сын,
С чёрными кудрями, смышлёный.
Чтоб медленно за руку с ним ходить
По тропинкам сада.
Маленький.
Сын.

Ури назову его, Ури мой!
Мягко и звонко короткое имя. *)
Как брызги реки.
Чернокудрого
«Ури!» -
Позову.

Возропшу, как Рахель.
Помолюсь, как Ха́на в Шило.
Буду ждать
Его. **)

*) Ури – «мой свет» (ивр.)

**) Согласно Библии у праматерей еврейского народа Рахели и
Ханы долго не было детей

מקוּרִי-מִבְּטִים נִשְׁזָר
גֶּשֶׁר – אוֹת.

אִם הַכְּאַבֶּת – בְּרוּךְ הַכְּאַב
יֵשׁ לְכַאֵב חִלּוֹנוֹת צָחִים,
נִתְיָבִי בְּצַדִּי דְּרָכִים
וְלִבִּי שָׁלוֹ.

עקרה

בֶּן לֹו הִיָּה לִי! יֶלֶד קָטָן,
שָׁחַר תִּלְתָּלִים וְנָבוֹן.
לֹאֲחֹז בִּידּוֹ וְלִפְסֹעַ לֹאט
בְּשִׁבְלִי הַגֵּן.
יֶלֶד.
קָטָן.

אוּרִי אֶקְרָא לוֹ, אוּרִי שְׁלִי!
רַךְ וְצִלּוֹל הוּא הַשֵּׁם הַקָּצֵר.
רָסִיס נִהְרָה.
לִילְדֵי הַשְּׁחָרָחַר
"אוּרִי!" –
אֶקְרָא!

עוֹד אֶתְמַרְמֵר כְּרַחֵל הָאֵם.
עוֹד אֶתְפַּלֵּל כְּחָנָה בְּשִׁילָה.
עוֹד אֶחַפֶּה
לוֹ.

Йонатан

Отведал я...немного мёду;
вот, я готов умереть.
(Книга Царств 1, 14:43)

За пеленой далее – милый облик: он юн,
Нежен и великолепно одет,
Верное сердце, не оставит друга в беде
И никогда не отступит в бою.

И Йонатан умрёт?.. Как печален путь
Человека в мире гнева! Как быть,
Если мы ценою жизни должны платить
За мёд, что попробовали чуть-чуть?

Судьба

Стучит, стучит упрямо
В закрытую дверь рука;
Кожа рвётся,
Капают на ручку замка
Капли крови.
Ни звука, стучу в пустоту.
Страж не спешит.
Опоздает желанный миг, у дороги
На пороге
Замертво упаду.

Бывало не раз, после летнего дня

Памяти С.П.

Бывало не раз, после летнего дня

יונתן

טעם טעמתי – מעט דבש
הנני אמות
(שמואל א', י"ד, מ"ג)

מבעד לדק מרחקים – צלם ענג,
נער רך בתלבשת-הדר;
לב-אמונים, לא נטש רע בצר.
ובקרוב אחור לא נסוג.

ועליך למות יונתן? ... מה עגום
נתיב אדם בעולם הזועם!
על כלנו במחיר החיים לשלם
את מעט הדבש הטעום.

גורל

היד העקשת
דופקת, דופקת על שער נעול;
העור רפט,
נוסף על כפות המנעול
דמה המעט.
אין עונה, אין קול.
בושש השוער.
יאחר, יאחר רגע נכסף –
על הסף
מתה אפל.

לא פעם, בקיץ, עם רדת היום

לזכר ש. פ.

לא פעם, בקיץ, עם רדת היום,

Приду и стою у ворот,
Внимая при гаснущем свете зари,
Как тихо твой голос поёт :
« Мой дом не богат, не высок,
И я в нём совсем одинок ».

Живут во мне свет тех минут, их покой,
Их нежность, и мне не забыть
Ту сладость печали, что песней своей
Умела ты в душу пролить :
« Мой дом не богат, не высок,
И я в нём совсем одинок ».

И кажется мне после долгого дня,
Что в сумерках, скован тоской,
Я ухом, как прежде, обрывки ловлю
Наивной мелодии той :
« Мой дом не богат, не высок,
И я в нём совсем одинок ».

Песня на музыку Ш.Лифшиц в исп. Эстер Офарим
<http://www.youtube.com/watch?v=ke9jbPKII9I>

Вечер

Тщетная вечера грусть на всё вокруг легла.
Ещё не кончился день, алеет закат кругом,
Прекрасен час, чтоб начать сказку: «Жила-была
Девушка в царстве одном...»

«Жила-была там одна девушка с лёгкой стопой,
Что вслед за пахарём шла с полной сумкой зерна.
Поле же то далеко; там вся дорога судьбой
Навеки ограждена».

לאור השקיעה הדועך,
הלכתי אליך ועת ארבה
הקשבת לקול זמרתך :
" קטן הוא ודל הוא חדר,י
ואני בו שרתי ערירי ... "

וחי בי הזכר הזה הנוהר,
השקט הזה והרה,
ומתק העצב אשר זמרתך
ידעה על הנפש לנסה.
" קטן הוא ודל הוא חדר,י
ואני בו שרתי ערירי ... "

ויש כי נדמה לי, עם רדת היום,
בשלט בי תוגת-דמדומים,
עדיו כקדם קולטת אזני
הלחן ההוא התמים :
" קטן הוא ודל הוא חדר,י
ואני בו שרתי ערירי ... "

ערבית

היום בטרום נפטר, השחק עוד מאדים,
וכבר רבצה על הכל תוגת ערבית עקרה.
יפה השעה הזאת לספר ספורי בדים:
"היה היתה נערה..."

"היה היתה נערה ולה רגלים קלות
לחפז אחרי החורש עם משך-זרע ביד.
רחוק השדה ההוא: שמה כל נתיבות
גדר הגורל לעד".

«Навеки ограждена, но - миг, и тебя уж нет.
В четыре угла жилищ восточный ветер метёт».
Печалью, вечер, я сыт! И сердце моё вослед
За сказками не пойдёт.

Тропы в полях и межи

Тропы в полях и межи
Всё разделять должны.
Они сейчас занесены
Разливом новой весны.

Но дням тяжёлым разлук
Не знать новых вёсен, друг,
И память о них, дорогй,
Как камень легла межевой.

Посещение

Хае

На родине осень, вечер. В бараке рабочих
Трещины в тонких стенах и пыль на полу,
В окне виден простор... И, укрытая белым,
Колыбель в углу.

Забудьте меня, труд упорный, надежда!
Осталась с терпеньем мне бедность одна!
Детишки приблизились, зашептались: чем это
Тётя чужая огорчена?

"גדר הגורל לעד, אף רגע קט ואינה,
ארבע פנות המשכן נגעה בן רוח קדים".
— שבעתי עצבך, ערבית! לבי איננו הולך
אחרי ספורי בדים.

משעולי השדות ושבילים

משעולי השדות ושבילים
החוצים, מפרידים, מגבילים;
לא יכר מקומם, יטשטש –
בשפעת האביב החדש.

אף ימי הפרוד הקשים
לא ידעו אביבים חדשים
והוסיף זכרונם העגום
הפרידנו כאבן התחום.

בקור

לחיה

בערב, בסתו, בצריך-פועלים, במולדת,
עפר הרצפה, סדקי הקירות הדקים,
בקרן-זוית עריסה בלבנת כסוייה,
בחלון – מרחקים.

הנחוני כאז, עמל עקשני ותוחלת!
שלך אנכי, דלות סבלנית וברה!
נגשו תינוקות, הסתכלו, החרישו, על מה זה
נעצבה הדודה הזרה?

О, земля, моя мать, почему же

О, земля, моя мать, почему же
Так печален, пустынен твой вид?
О другой земле воспоминанье
Как-то вдруг мне сердце щемит:

На холме там – мальчишки-ёлки,
На равнине – тень старцев-дубов,
А у речки сёстры-берёзки,
Как на праздник, недели покров.

Рука солнца в грудь леса мечет
Копья красные, но в семье
Стройных сосен покой беспечен,
Сонных в благоухающей тьме.

Мать моя! За твои обиды
Бог воздаст тебе, будет день,
И на жертвы полдня, как прежде,
Ты прольёшь аромат и тень.

В одном из моих превращений

Была ль я зверем из полевых зверей
Когда-то, в одном из превращений моих?
Оттого близость сестры во мне к миру их
И страх пред властью людей?

Иль беззащитная, с серым пером,
Бабочкой птицы душа трепетала во мне?
К свободе любовь и песни о грустном дне –
От неё, и в том и в другом?

הוי, ארצי, הורתי, מדוע

הוי, ארצי, הורתי, מדוע
כה שדוף נופך ועצב?
זכרונה של ארץ חורגת
בלי משים עולה על הלב:

על גבעה – פרחתי אשוח,
במישור – ישישי אלון.
במורד, על חופי הפלג,
בנות לבנה בכסות שבתון;

יד השמש תקצר מתקע
בלב היער רמח אדם,
יום תמים במשכן בני ארן
אפלה ריסנית וחלום.

הוי, אמי! הן נחלה עליה,
הן נתבע עלבונה מאל –
על מפי צהריה פקדם
עוד תרעיפי ניחוח וצל.

באחד גלגולי

ההייתי חיה בין חיות השדה
בימים רחוקים, באחד גלגולי?
ומאז לי קרבת האחות לחי
ואימת האדם הרודה?

אפרת הנוצה וחסרת המגן
גלגלה-פרפרה בי נשמת צפור?
מנגינה עגמומית, אהבת הדרור –
הן ממנה, ממנה שתיקה.

И, быть может, в прошлом, далёкой порой
Я была зелёным стеблем травы на лугу?
И, прильнув к земле-матери, покой смогу
В её лоне буром найти?

Суббота

На Иордане: сиянье, зной.
Рыбацкая лодка; лягу
Испить покой.

Взгляну на небо: как ярост свет!
И в сердце моём, как в детстве,
Ни тени нет.

Теперь я знаю точно: тут всё.
Начало, конец. *Кто жаждет,
Придёт, возьмёт.* *)

Дэгания, 1920

*) Слегка изменённая цитата из Пасхального сказания на арамейском языке

Ночью

Посвящ. Ури

На подушке, на одеяле
Громоздятся старые письма.
Над ними в глубокой печали,
Я, как ворожея, нависла.

ואולי בגלגול הרחוק-קדום
הייתי גבעול-עשבים ירקרק?
ולכן באמי-אדמה אדבק,
ומנוחי בחיקה השחום.

שבת

חופי ירדן: מלא זהר יום.
סירת דוגה; אשכב אשתה
שקוי שלום.

אביט אל על: האור מה רב!
וגם בלב כבילות
אף צל של עב.

עתה ידעתי: פה – הכל.
ראשית וקצה, כל דכפין
יאתא, יטל.

דגניה, 1920

בלילה

לאורי

מסביב, על כר ועל כסות,
מכתבים ישנים לרב.
ואני על גבם קורסת
כאשה הקוסמת באוב.

Завтра днём — как она взывает —
Я не буду взывать к пророку.
Бог прочёл уже сердце, знает,
Я сейчас всё дальше от Бога.

Знает Он печаль поражения *)
И готов к печали глубокой.
Я смотреть буду без движения
Пока не поблекнут строки.

*) В оригинале упоминается гора Гильбоа, где войско царя Саула потерпело поражение от филистимлян

Отражение

Лишь это? И всё?
И к этому взор обращать,
Губами прильнуть хотеть,
И этим сердце согреть
В холодную ночь опять?
Из-за этого Бога ругать,
И пинать дитя его?
Лишь это? Это, и всё?

Весна

Посв. М.Б.

Весенний ветер за дверьми —
в кого б влюбиться, чорт возьми!
(Саша Чёрный, 1909)

אך ליום המחר — כמוה —
לא אשאֵל את פי הנביא.
כי רחוק ממני אֵלֹהִים
הן יודע כבר לִבִּי.

הוא יודע עֶצֶב גִּלְבּוֹעַ
וְנִכּוֹן לְעֶצֶב הַהוּא.
כָּל הַלַּיְלָה אֲבִיט בְּלִי נֹעַ
בְּשׁוּרוֹת בְּטָרָם דָּהוּ.

בבוא

וְזֶהוּ? רַק זֶה?
וְאֵל זֶה לְשֹׂאת עֵינַיִם קְלוֹת,
וְאֵל זֶה שְׁפָתַיִם צְמָאוֹת לְשֶׁרֶבֶב,
וּבְזֶה לְחַמֵּם אֶת הַלֵּב
בְּצִנַּת לַיְלוֹת?
בְּשֵׁל זֶה לְנַאֵץ אֱלֹהִים,
וּלְבַעֵט בְּעֵלוֹ?
זֶה... וְתוֹ לֹא... תוֹ לֹא?

אביב

למ.ב.

Весенний ветер за дверьми —
в кого б влюбиться, чорт возьми!
(*)

И вот, он снова передо мною –
Зажигающий огонь внутри сердца,
Вкрадчивый, умиротворяющий,
Как на празднике Чудотворца. *)

Я заключила союз с камнями поля,
И в глуби моря друзей не меньше,
И могу я понять беседу деревьев,
Как Соломон, из людей мудрейший.

Я могу объяснить звуки ночи,
Радоваться солнцу в волнах эфира.
Я ли оттолкну, посрамлю руку,
Что протянута мне с миром?

*) один из религиозных обычаев

וְהִנֵּה שׁוֹב לִפְנֵי –
מִתְחַטֵּא, מְשַׁדֵּל, מְפַיֵּס
וּמַדְלִיק בְּלִבִּי מְדוּרָה
כְּבַחַג שֶׁל בַּעַל הַנֶּסֶס.

עִם אֲבֵנֵי הַשָּׂדֶה בְּרִיתִי,
לִי רַעִים בְּסֵתֵר הַיָּם,
וְשִׁיחַת אֵילָנוֹת אֲבִין
כְּשֶׁלֹמֹה הַנְּבוֹן בְּאָדָם.

לְקוֹלוֹת הַלַּיְלָה בִּי נִיב,
לְחֻדוֹת הַשֶּׁמֶשׁ בַּיּוֹם –
הָאֵנִי אֹכְלִים אֶת הַיָּד
הַמּוֹשְׁטֶת לִי לְשָׁלוֹם?

(*) ציטוט מתוך שיר מאת סשה צ'רני משנת 1909

Наш сад

Хане Майзель

А ты помнишь? Весна и утро
(Где то утро и где весна?)
И наш сад у подножья Кармеля,
Дальше – моря голубизна.

Ты стоишь под деревом снизу,
Я на ветке, как птица, сию,
В серебристой оливковой кроне
Средь чернеющих веток пою.

А шуршанье пилы твоей снизу
Задаёт мне настойчивый ритм,
И я сверху тебя поливаю

גננו

לחנה מייזל

את זוכרת? אביב ובקר
(האביב, הבקר – אים?)
לרגלי הכרמל – גננו,
ומנגד לו – כחל-הים.

את מתחת לעץ עומדת
ואני על בד, כצפור;
בצמרת זית מקספת
ענפים משחירים נזמר.

ורשרוש משורר מלמטה
כה קצוב מגיע אלי,
ואני ממעל עליך

Неустанно осколками рифм.

ממטירה קטעי חרוזי.

Так ты помнишь? Утро и счастье...

Это было, и этого нет.

Как весна коротка здесь на юге,

Так и дней наших краток расцвет.

את זוכרת? בקר ואשר...

זה היה, זה איננו יותר.

פאביב הקצר בארצנו

כן אביב-הימים הקצר.

Молчание

Как бремя тишины жестоко угнетает,

Меч тишины пронзает сердце мне сейчас.

Я здесь ещё и жду, на что-то уповаю,

Ещё краснеет кровь моих стихов дымясь.

זה נטל השתיקה לארץ מדכאני,

זו חרב השתיקה גוזרה את לבבי.

אני עודני פה וממתנה – עודני,

ודם שירי פלוט עוד מאדים סביבי.

Смерть молчалива; и мы все умолкнем скоро,

Когда наступает день, дорога коротка;

Но есть у жизни голос и язык, который

Волнует нас и эхом полнится пока.

המות הוא דומם, אכן נדם כלנו

פתם, בבוא היום, הארח הקצר;

אך לחיים יש קול וניב להם, ולנו

המיה לניב הזה והד צלול וער.

Он леденит меня. В нём ужас есть могилы,

Я вижу её чрево жадное в ночи.

Я здесь, всё ещё здесь – – пока ещё есть силы.

Словами подготовь меня! И не молчи!

היא מקפיאה אותי. עמה אימת הקבר

את פיה העקם פוערת לבלי חק –

אני עודני פה – – עודני פה – – מעבר – –

הכני במלים! אך אל נא – אל תשתק!

Я помню и вспомню не раз

Я помню

И вспомню не раз огонь:

Как пришпоренный конь

Больное сердце несло:

Всё, как при свете полной луны,

В призраке бледном слилось.

И вдруг – в крови моей –

זוכרת,

אזכר לא אחת:

פסוס נבעת

דהר הלב החולה:

הכל, כלאור של ירח מלא,

היה מדמה וחור.

ופתאם – – בדמי –

Огонь, лишь намёк
На благую весть, на утоление жажды страстей,
Исцеляющий жизни ток.

Эвкалипт

Я видела: поднят топор - взмах был точен, -
Опущен, вонзился и тело корёжит...
И жертва, в пыли распростёртая молча...
Всё это так ясно, так зримо до дрожи.

Остаток-сиротка торчит худосочно,
Он голый, ненужный ни небу, ни людям.
И кажется мне, что на этот раз точно
Нам дерево боль не простит, не забудет.

Когда ты придёшь через год, будешь с нами
Смотреть изумлённо, как стройно, прекрасно
Вновь дерево тянется к небу ветвями.
Всё это так зримо до дрожи, так ясно.

При свете окошка

Что есть у меня? Только свет за окошком.
Лишь миг - и растаял, погас.
Сияньем небес озарялось минуту,
И тщётно ждать снова сейчас.

О солнце! О солнце! Ты мне открывалось:
Ликуя лилось ты теплом,
Танцуя в траве, по росе рассыпаясь
И в море хлебов золотом.

רָמַז אֵשׁ.
מְבֹשֵׁר וּמְזָכִיר וּמְרֹה וּמְצִמִּיא
וּמוֹחֵץ וְחוֹבֵשׁ.

אקליפטוס

לא אחת ראיתי: הונף הקרדום
והורד ונגעץ בשאר;
מעולל בעפר הוא שרוע דם –
זה הנוף המרטיט, הנוהר.

השריד היתום מזדקק נוגות
מיתר ועירם מכל.
ותמיד נדמה: הפעם הזאת
לא ישפח העץ, לא ימחל...

תפקדנו שוב, אך שנה תנקף –
תעמד משתאה, תביט:
למרום כאז כמה הנוף,
ונוהר כאז, ומרטיט.

לאור הצהר

כלי הוא האור שמבעד לצהר.
אך רגע הלבין – ונמוג.
אל שפע השמש בלב-הרקיע
באפס תקוה אערג.

השמש! השמש! היית לי, נגלית לי
שוטפת, צוקלת, חמה,
מברקת בטל, מרקדת בדשא,
מזהבת בזהב הקמה.

Я знаю: пусты и бледны дни здесь будут,
И свет будет бледен и пуст.
На память о солнце, что там, за окошком,
Без сил и надежд обопрись.

Я и ты

Мы опять молчим - ты и я.
Я и ты. Ждём чего-то в тиши.
Темнота в душе у меня,
Всё молчит в тайниках души.

Ты поймёшь ли? Моя рука
Не возьмёт твоей. Не поведу,
Буду ждать и молчать, пока
Знак не дашь. Помолчу, подожду.

Ухмыльнёшься: «С упрямством таким...»
Отстранишься. Приму приговор.
И пристыженно замолчим.
Ты и я — молчим с давних пор.

Женщина

Снизу вверх...
Вот так:
С преданным и печальным взглядом
Раба, умного пса взирать.
Мгновение, полное смысла, знак.
Тишина
И желание в тайне при этом
Руку господина поцеловать — —

יָדַעְתִּי: יָמֵי יִתְרוֹקְנוּ וְיִחְוִירוּ
בְּאוֹר הַחֹדֶר וְהָרִיק.
עַל זֵכֶר הַשֶּׁמֶשׁ מִבְּעַד לַצֹּהַר
בְּאֶפֶס אוֹנִים אֶתְרַפֵּק.

אני ואתה

מְחֹשִׁים — אַתָּה וְאֲנִי,
מִמְתִּינִים — אֲנִי וְאַתָּה.
בְּסִתְרֵי עֵקְמִנִי עֲלֹטָה
וּדְמָמָה בְּסִתְרֵי עֵקְמִנִי.

לֹא אוֹשִׁיט אֶת יָדִי — הִתְבִּיין?
לֹא אֶחַז בְּיָדְךָ לְהִנְחוֹת.
אֶחְשֶׂה וְאַמְתִּין — לְאוֹת.
אֶחְשֶׂה, אֲמַתִּין.

כִּי תִלְעַג: "עֵקֶשֶׁת כְּמוֹךָ",
כִּי תִרְחַק — אֶצְדִּיק אֶת הַדִּין.
גַּם אֲנִי, גַּם אַתָּה — נִבִּין
נְחֻשָׁה, נְבוֹךְ.

אשה

מִלְמָטָה לְמַעְלָה...
קָה:
בְּמִבְט מְסוּר וְעִגּוּם
שֶׁל עֶבֶד, שֶׁל כָּלֵב נְבוּן.
הִרְגַע גְּדוּשׁ וְזָה.
דּוּמְיָה
וְכִסְף סְתוּם
לְנִשְׁק אֶת יָד הָאֲדוֹן — —

Закрою глаза

Закрою глаза,
Чтобы не читать в твоих глазах.
Прикрою лицо,
Чтобы не разозлить плетью правды.
Я решила: нельзя!
Колебалась, сама с собой боролась,
Но упрямое сердце не слушалось.

«Муки истины» –
Кто может убежать от неё?
Муки страха перед истиной постыдной.
Тяжесть бремени на плечах.
Плечах женщины.

Назови моим именем дочку свою

Назови моим именем дочку свою,
Поддержи в пути.
Горько так –
Навсегда уйти.

К ночи песнь-сирота
Смолкнет, слово моё,
Она утром продолжит её.

Пусть продолжится нить,
Вплетена в её дочку и внучку надолго,
Чтоб жить.

עיני אַעצם

עיני אַעצם
פֿון אַקראַ בַּעיניך.
פֿני אליט
פֿון יכּם מגלּב-האַמּת.
גזרתי: אסור!
נפּתולי אֱלֹהִים נפּתלתי
אך הלב העקש לא ציית.

“ענות האמת” –
אי מנוס מפניה?
ענות האמה של אמת מבישה.
כבד המשא מפתים.
כתפי-אשה.

תקראי נא בשמי לבתך הקטנה

תקראי נא בשמי לבתך הקטנה,
להציב לי יד.
כה עגום –
לעבר לעד.

שירי היתום,
זה נגון ערבי שנדם –
היא תשמיע-תמשיך בבקר-יום.

זה חוטי שנתק
ישזר אל בתה, נכדתה –
למרחק.

Лишь о ласке брата просила

Лишь о ласке брата просила. Скажи,
Это так тяжело для тебя?
Как устала душа без дороги блуждать,
По пустыне жизни бредя!

Кто ж виновен, коль сердце зовёт к мятежу,
Понимая судьбы приговор?
И последнее будет с зарёю письмо
На столе белеть, словно укор.

Ты для меня – как прежде

И ты до конца остаёшься со мной -
Скрытый и ясный, чужой и родной,
Царапина в сердце, что кровью во мне
Краснеет, блестит и поёт в вышине.
Прислушайся к голосу сердца-певца:
«К тебе, о тебе, от тебя – до конца...»

Открылась дверь

Открылась дверь и закрылась дверь,
«Раввин!» - подумала я.
Стон жажды не утолить водой
Из колодца зноя-огня.

Каморка-тюрьма, молчание книг,
И жизнь угрожает мне...
Но, если грешна, – получила уже
из Господа рук вдвойне!

כי לטוף אחים

כי לטוף אחים שאלתי ממך –
האמנם הקשיתי לשאל?
עיפה נפשי ממסע-לא-דרך
במדבר-חיים הגדול.

ובמי האשם אם קרא למרד
זה הלב המצדיק את הדין? –
על גבי שלחני עם הנץ השחר
אחרון מכתבי ילבין.

אתה לי – כקדם

אתה לי – כקדם, וכה – עד הסוף
נעול וגלוי ונכרי וקרוב.
אתה לי – שרטת בלב, ודמה
מסמיק ומבריק ורונן ברמה.
הקשיבה, הקשב לו לקול הפורץ!
אליר, עליך, ממך – עד הקץ...

הפתח נפתח

הפתח נפתח, הפתח נסגר,
הפעם ידעתי: רב!
אנקת צמאון לא תשקט במים
מבאר-מראות-השרב.

כלא-חדרי, אלם-ספרי –
אימת החיים עלי...
גם אם חטאתי – זה כבר לקחתי
כפלים מיד אדני!

כּוֹרֵה

שְׁנוּעַת מְכוּשׁ בְּיַד גִּזְע.
בְּעֵמֶק הַמְּכָרוֹת :
- " עוֹדֵנִי חַי ! אֵיכָּה, רַע ?
עֲנֵנִי, תֵּן לִי אוֹת ! "

עוֹד יוֹם, עוֹד לַיִל – אֵין קוֹל, אֵין קֶשֶׁב –
עוֹד יוֹם, עוֹד לַיִל תְּמִיִּם ;
יִפֹּל מְכוּשׁ מִיַּד נְחֻלָּשֶׁת.
יִשְׁבֹּת לְעוֹלָמִים.

אֲנִי פְּלִיטַת אֶסוֹן כְּמוֹהוּ,
אֶכְלָה בְּצַפְיָה.
הִיָּה חֶלְקִי זֶה אֶל הַתְּהוֹ
לְזַעַק : " עוֹדִי חִיָּה ... "

כָּל דֶּק – שְׁעָה, כָּל דֶּק פּוֹצֵעַ
תּוֹחֶלֶת הַמָּחַר.
עֲזֹרַת חֶבֶר, כּוֹרֵה יִגַּע,
תִּבּוֹא בְּמֵאָחַר.

זֶה צוֹ הַגָּאוֹה

זֶה צוֹ הַגָּאוֹה: בָּמוֹ יְדִי...
נִתַּק הַחוּט, שְׂרוֹף הַגָּשָׁר
בָּמוֹ יְדִי.
בְּלֵב שְׂמֻחָה־תִּינִיקַת
נְעוּץ סִכִּין... זֶה צוֹ הַגָּאוֹה.

מִנְגֵּד

Шахтёр

Кирки в руке нетвёрдой трепет
Зовёт сквозь шахты мрак :
- Я жив ещё ! О друг мой, где ты ?
Ответь мне, дай мне знак !

День, ночь – ни шороха, ни звука
(День или ночь сейчас ?) .
Слабея вновь уронят руки
Кирку – в последний раз.

И я, как он, спасаясь вначале,
Умру, шепча слова,
Взывая тщетно сквозь завалы :
- Я всё ещё жива !

И каждый миг, как час; нет малой
Надежды в новом дне.
На помощь поздно друг усталый,
Шахтёр придёт ко мне.

Это веление гордости

Это веление гордости: Своей рукой...
Нить перерезана, мост сожжен
Своей рукой.
В сердце радость младенца.
Вонзён нож... Это веление гордости.

Напротив

Внимает сердце и ухо внимает:
Идёт? Дождусь ли его?
В каждом, кто ожидает,
Есть скорбь Нево. *)

Два берега - один напротив другого –
Одной реки.
Но судьба сурова:
Навек далеки.

Посмотри напротив. Протяни руки.
Там нет никого.
На всей земле одинокий
Человек и его Нево.

*) С горы Нево (сейчас в Иордании) смотрел Моисей на землю
обетованную, на которую ему не суждено было ступить (Библия)

Воздух горных вершин

Как бы не замутить мимоходом
Чувство, которым жил,
Грубым касаньем, недобрым взглядом,
Словом ненужной лжи.

Прошное нам всем опора сегодня,
Когда всё решает миг.
Как альпинисты в связке восходят:
В бездну или на пик.

Жизнь – восхождение. Даль распростёрта.
Брат и сестра, путь един.
Вместе научимся весело, гордо

קשוב הלב. האזן קשבת:
הבא? היבוא?
בכל צפיה
יש עצב נבו.

זה מול זה – החופים השנים
של נחל אחד.
צור הגזרה:
רחוקים לעד.

פרש כפים. ראה מנגד
שמה – אין בא,
איש ונבו לו
על ארץ רבה.

אור פסגות

הפחד המדאיב – פן נעכר
זכרו של רגש מת,
אם במגע לא-רף או במבט לא-אור,
באמר לא אמת.

נסף על העבר! אליו מצמד
הזה, ואם נכשל –
פתירי הרים בחבל האחד:
התהומה או אל על.

בברית העפלה – חיי אנוש –
קדשנו – אח, אחות.
נדע-נא עליזים וזקופי ראש

Воздух вдыхать вершин.

לְנֶשֶׁם אֲוִיר פְּסָגוֹת.

К горам

אל ההרים

Вы до чистого синего неба
Вознеслись выше всех облаков,
Ибо к тайне ведёт вас дорога
Далеко-далеко.

אהבכם כי רמתם מארץ
ולבשתם תכלת זכה,
כי אל סתר נזכר הדרך
רחוקה, רחוקה.

Я страдаю иду, подымаюсь,
Вашу заповедь в сердце неся,
Чтобы скромно сказать, что другие
Будут после меня.

את סבלי אעמיס על השכם
כמצות שלטונכם עלי.
להעפיל – מבשר צנוע
של הבא אחרי.

Дар

שי

Соберу, как грозди,
Шёпота остатки
И из песен сердца
Слабый огонёк –
Всё, что скорби руки
Ворвать не успели
И что зной палящий
В ярости не сжёт.

אעולל כגפן
שארית הרוח
ואשלח מנחה לך
מזמרת לבי –
כל שיד העצב
לא עקרה משרש,
שקדים־הזעם
לא שדף עוד בי.

Чтобы дар украсить,
Вспомню про Кинерет,
Розу утра вспомню,
Сад, полей простор,
Золото полудня,
вечер светло синий
И закат лиловый
Средь Голанских гор;

ארפד הטנא
זכרונות כנרת,
ורד שמי הבקר
בין עצי הגן,
זהב הצהרים
במרחב רוגע
ולילה הערב
על הרי גולן;

И о ночи лунной
Над водою вспомню,
Ликованье счастья
Юности возьму;
Всё сложу в корзину,
Заплету лозою.
Будешь ли ты рада
Дару моему?

זְכֹר לִיל הַסֶּהר
עַל חֶלְקֵת הַמַּיִם.
זוֹ תְרוּעַת הָאִשָּׁר
בְּעֵלוֹת יָמִי,
כְּבִשְׁנִי תוֹלַעַת
כֹּה אֶקְשֶׁר הַטָּנָא
וְאֶשְׁלַח אֵלֶיךָ—
הַתְּשִׁיחַ לְשִׁי?